

дан на основе их происхождения и/или культурных отличий. Такая позиция не умаляет, с моей точки зрения, практической ценности рецензируемой книги, поскольку автор со всей очевидностью решает остаться в рамках своей компетенции и не предлагать собственных решений сложных политико-философских проблем. С такой позицией можно тем более согласиться, что в тех редких случаях, когда автор все же решается на краткие отступления и экскурсы в сопредельные области знания, ему приходится полагаться на мнения других, и здесь его выбор оказывается уязвимым (например, вряд ли можно согласиться с нетерминологическим использованием понятия “сообщество” [с. 208 и др.] или еще более спорного понятия “интерэтническая общность” [с. 23] для обозначения всех КМНС).

Все эти замечания представляют собой, скорее, пожелания автору или его коллегам, занимающимся исследованиями в данной области, рассматривать правовое регулирование не только само по себе, как корпус правовых актов, но и как социальный и политический контексты возникновения и существования этого корпуса, а также учитывать не только международный опыт применения действующих норм, но и дискуссии относительно их оснований. Что касается принятого автором труда по сравнительному анализу правовых актов в области регулирования прав коренных народов, то он впечатляет своим охватом и профессиональной тщательностью исполнения.

Приведенный выше внушительный перечень проанализированных В.А. Кряжковым областей правового регулирования, тем и проблем, связанных с обеспечением прав КМНС, позволяет рекомендовать эту книгу самому широкому кругу профессиональных читателей – юристам, антропологам, историкам, представителям многих других социальных наук и гуманитарных дисциплин, преподавателям конституционного права, истории и теории государства и права, а также управленцам, занятым в сферах языковой и культурной политики. Книга окажется безусловно полезной и для активистов из среды коренных народов, правозащитников, специализирующихся в области защиты прав национальных меньшинств и коренных народов.

Литература

- Кряжков 1994 – Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы / Сост. В.А. Кряжков. М.: Юридическая литература, 1994. 487 с.
- Кряжков 1999 – Статус малочисленных народов России: Правовые акты. Кн. 2 / Сост. В.А. Кряжков. М.: Юринформцентр, 1999. 396 с.
- Кряжков 2005 – Статус коренных малочисленных народов России: Правовые акты. Кн. 3 / Сост. В.А. Кряжков. М., 2005. 911 с.

ЭО, 2010 г., № 6

© **О.В. Кириченко**. Рец. на: *И.И. Шангина. Русские девушки*. СПб.: Азбука-классика, 2007. 345 с.

Появление новых трудов по классической, исторической этнографии, безусловно, всегда важное событие, несмотря на впечатляющее число уже имеющихся исследований и учитывая, что неотвратимо наступает почти полное угасание традиционной этнографической среды в русской деревне. Книга Изабеллы Иосифовны Шангиной – весомое тому подтверждение. “Русские девушки”, как обозначает автор предмет своего исследования, – это крестьянские девушки послереформенного периода, самого изученного в русской этнографии и самого обеспеченного этнографическими артефактами. Название книги получилось шире ее содержания, но надо заметить, что к этому времени лишь одно сословие можно было однозначно связывать с понятием “народ”, а значит, применять по отношению к нему определенную этническую характеристику. “Русскость” крестьян опиралась на традиционный материальный уклад, православное мировоззрение, патриархальные социальные отношения.

Традиционная культура, в рамках которой продолжало жить русское крестьянство в указанный период, была сложным явлением: насыщена обрядностью, глубоко фольклорна, стро-

Олег Викторович Кириченко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, e-mail: schljachtina@mail.ru

го циклична, пронизана глубоким чувством жизненной силы ее творцов и устремленностью к воспроизводству. Категория “девушек” внутри традиционного сообщества также отличалась четкими социальными рамками и культурной границей. Структура книги подчинена динамике жизненного цикла девушек-крестьянок, где физическое начало тесно переплетено с социальными категориями и религиозными характеристиками. В этой неразрывности также залог воспроизводства уклада традиционной “культуры девичества”. Девичество – составная часть большого крестьянского мира, нашедшего свою меру воспитания девичества, которая и сегодня может быть интересна не только деятелям науки, но и современной педагогике и семье.

И.И. Шангина подводит итог многочисленным трудам на близкую тему, обобщая их и подчиняя одной теме – био-социо-культурной цикличности крестьянского девичества. Успеху работы способствует и широкое привлечение такого комплексного источника, как материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, давно уже пользующегося большим авторитетом в среде этнографов, занимающихся русской этнографией последней трети XIX в. (Русские крестьяне 2004–2008). Вслед за многочисленными публикациями научных статей сотрудников ИЭА РАН, активно привлекающих материалы этнографического бюро (Русские 1999), стали появляться крупные работы, построенные на этой источниковой базе. Яркий пример тому – последняя книга Т.А. Бернштам (*Бернштам* 2005) и рецензируемая нами работа. Но в качестве образца для выбранного И.И. Шангиной жанра небольших, но емких научных новелл мы бы отметили монографию М.М. Громыко “Мир русской деревни” (*Громыко* 1991), построенную по такому же принципу.

Книга И.И. Шангиной структурно проработана не просто детально, но филигранно, она написана хорошим русским языком. В каждой главе даются общие сведения по теме, приводится необходимый этнографический код народных понятий и терминов (“славутисть”, “баситься”, “стайки”, “табунки” и т.д.), и тема разворачивается в этнографически конкретное описание (материалы Тенишевского бюро). Сравнительные данные по регионам приводятся лишь для необходимой детализации описания, а не как дополнительный коррелятивный материал. Умело использована автором и асимметричная перебивка текста, когда описание многообразных девичьих сообществ внутри социума прерывается картинами материального быта: одежды, сельскохозяйственной деятельности, – и опять идет возвращение к социальным характеристикам. Вся информация, касающаяся духовной жизни – нравственной и религиозной, – располагается внутри блоков, посвященных социальным вопросам. Однако по этой причине материальная часть лишена необходимых символических характеристик, что, несомненно, обедняет этнический портрет крестьянских девушек. У одежды, украшений была своя нравственная и религиозная подоснова, это характерно именно для традиционной материальной культуры.

Конечно же, в центре внимания И.И. Шангиной – праздничная культура девичества, составляющая визитную карточку любой народной культуры. В центре праздника – итоги сельскохозяйственного труда, плоды жизненных устремлений, стихия молодости, и в меньшей степени – результат аскетичности и религиозности девушек в целом. Исследователь считает, что излишняя религиозность в крестьянской среде не поощрялась, но надо всем господствовал биологический закон воспроизводства жизни. Также автор согласен с мнением большинства корреспондентов князя В.Н. Тенишева о том, что крестьянство в религиозной жизни исповедовало двоеверие: религиозность их носила обрядовый характер, была тесно переплетена с языческими верованиями, но не исключала “официальной церковности”.

Следует помнить, что основная часть составителей анкет, трудившихся для князя В.Н. Тенишева, по его программе, были земские деятели, большей частью учителя, люди, критически настроенные по отношению к Церкви. Хорошо зная весь корпус этого, безусловно, великолепного архива, отметим все же его характерную особенность: в нем собраны в основном те сведения, которые указывают на духовный и нравственный перелом в сознании крестьян, и в этом смысле источник объективен. Картина изменений по сравнению, например, с анкетами Надеждина (фонд в рукописном отделе РГО) середины XIX в. просто потрясающая. Автор, конечно же, в курсе небывалой динамики социальных и нравственных коллизий в сельской жизни за период XIX в., на что она и указывает в предисловии. Но И.И. Шангина ошибочно считает полной картину, которую описывают корреспонденты князя В.Н. Тенишева, не имея другого – альтернативного источника. Между тем, занимаясь проблемой женского аскетического (общинного) движения, нам пришлось обратиться к архивам монастырей (монастырским

ведомостям) и к отдельным биографиям ушедших в монастыри девушек-крестьянок, из чего выяснилось, что у весьма значительной части юного женского сельского населения России в течение века религиозность активно росла и укреплялась, переходя в общинные формы (зародыши новых монастырей) и активно влияя в целом на религиозность сельчан (Кириченко 2006, 2007, 2009).

Поэтому ситуация с религиозностью и “нормой” нравственного поведения девушек была намного сложнее той, которую описывает И.И. Шангина. Безусловно, большим влиянием пользовались те девушки, которые ориентировались на “мирской идеал”, отдавая первенство неудержимому стремлению ко все большей роскоши и поиску все новых элементов (на языке современной молодежи – “прикольных”) в стихии праздника. И даже в среде не особенно церковных девушек можно было наблюдать немалую дифференциацию нравственного поведения. Поэтому, когда в главе “Любы” автор описывает такие факты обычного поведения, как разрешение парню «заклучать свою избранницу в объятия, “тискать”, мять ее грудь, засовывать ей руку за ворот рубахи и под подол сарафана», мы должны не согласиться с тем, что это была норма. Такое поведение было уже все нарастающей нормой отклонения, но характерной не для всех еще регионов, а в основном близких к крупным городам – Москве, Петербургу. У автора речь идет о Калужской губ., входившей в этот круг “цивилизации”. Это можно легко проверить по материалам того же архива Тенишевского бюро.

Трудовой цикл девичества описан обстоятельно и добротнo. Вместе с тем и эта область имела много нововведений, но здесь автора отчасти подводит заданность структуры. В части материального описания И.И. Шангина не касается духовных и нравственных характеристик, тогда как и в традиционный труд проникли новые веяния – желание заработать больше средств для новых украшений. С этим связаны были и немногочисленные, но имеющие место девичьи отходничества (вкуче с женщинами), а также все большая свобода в продаже изделий своего труда.

Исследование И.И. Шангиной, кроме того, что подводит черту под важным этапом обобщения в изучении повседневной крестьянской жизни, ставит и много важных проблем, а именно то, что процесс изучения социальной трансформации традиционного общества необходимо далее вести с большим привлечением нравственного и религиозного факторов. Необходимо расширять круг этнографических источников за счет введения в оборот церковных материалов и свидетельств, чтобы тщательнее и глубже анализировать происходившие в народной среде изменения.

Литература

- Бернштам* 2005 – *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни. Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.
- Громыко* 1991 – *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Кириченко* 2006 – *Кириченко О.В.* Сословный состав женских монастырей (на примере обителей Воронежской и Тамбовской губерний XIX века) // Возрождение православных монастырей и будущее России: Матер. III Всерос. науч.-богослов. конф. “Наследие преподобного Серафима Саровского и будущее России”. М.; Саров, 2006. С. 219–242.
- Кириченко* 2007 – *Кириченко О.В.* Особенности географического расположения женских монастырей, связанных с деятельностью прп. Серафима Саровского // Система Земля (нетрадиционные вопросы геологии). XIV и XV научные семинары 2006–2007. Матер. конф. М.: МГУ, 2007. С. 365–371.
- Кириченко* 2009 – *Кириченко О.В.* Уход в женский монастырь: условия, обстоятельства, мотивы // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 120–131.
- Русские* 1999 – *Русские* / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М., 1999.
- Русские крестьяне* 2004–2008 – *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева.* СПб., 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии; 2006. Т. 2. Ч. 1–2: Ярославская губерния; 2005. Т. 3: Калужская губерния; 2006. Т. 4: Нижегородская губерния; 2007. Т. 5. Ч. 1–4: Вологодская губерния; 2008. Т. 6: Курская, Московская, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии.